

Приближенный телохранитель Фэн Жуна и близкий его друг, Куань, был родом с северных окраин. Никто не знал, были ли его родители ханьцами или варварами, но в своей внешности молодой мужчина сочетал черты обеих народностей. Стоило ему надеть узкий ханьских халат и убрать волосы под простую шапочку — так он вполне походил на коренного жителя Центральных равнин; а когда облачался в яркий жилет и заплетал волосы в тонкие косы с разноцветными бусинами на концах — становился точно сяньбийцем.

Когда Куаню было всего пять лет от роду, его поселение сгорело в жерле северных восстаний — не понять уже было, стали тому виной варвары, или люди императора, — а семья пропала там же: выходили мальчика только милостью Великого хоу Фэн Яо. Пусть генерал не признал тогда мальчика своим названным сыном, за выдержку и не по годам развитую смекалку он дал ему свою фамилию — но Куань ее почти не вспоминал и мало кто об этом знал. Попав в поместье Фэн, он сначала прислуживал господину Фэн Жую, а затем приставлен был в возрасте восемнадцати лет к его сыну, Фэн Жуну. С тех пор от молодого господина Куань не отходил и сделался ему старшим братом.

Куань был неразговорчивым и отрешенным, большую часть своего времени он смотрел за другими, но их будто бы и не видел — однако печаль Фэн Жуна мужчина чувствовал, как птицы чувствуют наступление зимы. Пусть, храня тайну, на людях Фэн Жун не показывал, как тревожит его происходящее в поместье хоу, наедине с собой он принимался заламывать руки и хмуриться, будто мысли об этом доставляли ему настоящую боль. Всего день Куань терпел, прежде чем вечером предложить:

— Молодой господин, сегодня небо темное, к тому же праздник — много людей в поместье хоу не осталось. Разрешите я перелезу через стену в павильон Цветения и посмотрю, что там делается?

— Братец! — тут же воскликнул Фэн Жун и едва не бросился Куаню на шею. Мужчина более всего напоминал змею, был низким и худощавым, а от бурной радости молодого господина мог переломиться пополам — потому от объятий поспешил уйти. Вместо него, ловко поднырнув под руку, к Фэн Жуну бросилась Фэнцзи и тонким голосом спросила:

— Молодой господин, а моим словам вы что же, не верите? Зря я, значит, целый год словно воровка по углам мыталась и даже вздохнуть боялась, чтобы ваше поручение выполнить и непременно о происходящем рассказать? Ах, бедная я, бедная!

— Ну чего ты сразу в слезы, — с улыбкой ответил Фэн Жун и, улучив момент, принялся Фэнцзи щекотать. Та тут же забыла о своих печалях, прыснула со смеху и принялась вырываться: лишь на мгновение спрятав лицо от господина, показала Куаню знак рукой — «Иди, иди, а я его пока на другие дела отвлеку!».

Куань хмыкнул и бесшумной тенью запрыгнул на стену двора, тут же растворяясь в стылой ночи. Надо сказать, что и своим, и чужим на глаза ему попасться было нельзя, потому Куань двигался очень осторожно, избегая фонарей и скоплений народа. До отрочества он жил в военном лагере и, случалось, для старших братьев с кухонь и из крестьянских дворов воровал кур и рисовое вино, потому работа такая для мужчины была не нова. Незамеченным он добрался до поместья хоу. По рассказу Фэнцзи Куань рассчитал, где должен находиться двор Цветения, и отправился по внешней стороне стены прямо туда.

Искомый павильон располагался у западной стороны, в тени растущего за пределами поместья хоу векового клена, который большую часть двора, словно расписной полог, надежно скрывал. В солнечные дни тут, должно быть, сохранялась прохлада, но осенью задерживалась влага:

кроме того, в густой листве легко было спрятаться. Куань некоторое время просидел на ветке дерева, прислушиваясь к происходящему во дворе, и по звукам дыхания определил там четырех человек: двое стояли у ворот с внешней стороны и были охранниками, одна, вероятно, служанка, спала в боковой комнате, и еще кто-то сидел прямо под деревом, на открытой веранде. Он, вероятно, и был Ли Инчуном, из-за которого сердце молодого господина потеряло покой.

Дождавшись, когда грянут на площади у императорского дворца фейерверки, Куань тихо спрыгнул с ветки дерева и замер прямо перед сидевшим юношей: тот от его появления всем телом крупно вздрогнул и поднялся, опасливо отступив на шаг. С удивлением Куань заметил, что рядом с ним не было ни чая, ни книги, а сидел молодой человек на голом пороге, даже без тонкой подушки, и облаченный в простые нижние одежды — словно только что поднялся с постели и решил полюбоваться виднеющимися отсюда огнями праздника.

Чуть склонив голову, Куань тихо спросил:

— Господин Ли Инчунь? — хотя в своей душе господином он его не почитал. Выросший среди военных, Куань искренне мастерством и талантом Пань Таня восхищался, потому не считал, что тот мог безвинного человека заточить и мучить — значит было за что. В глазах мужчины перед ним стоял сейчас чудом избежавший императорского гнева преступник.

Однако, как преступник Ли Инчунь совсем не выглядел. Глаза Куаня быстро привыкли к полумраку, что царил во дворе, потому он мог ясно рассмотреть тонкого, словно осиновый прут, бледного юношу. Его волосы заплетены были только в неопрятный пучок на макушке и ниспадали на худое лицо, с которого проклятой яшмой на Куаня смотрели настороженные, словно у дикого зверя, глаза. На одеждах Ли Инчуна не было ни украшений, ни вышивки, а его тонкая ладонь, в изменчивом свете ночи похожая на лишенную кожи руку скелета, тревожно сжимала широкий истрепанный рукав. Однако, несмотря на это, юноша держал спину гордо выпрямленной, и на Куаня смотрел с долей неожиданного высокомерия.

— Чего тебе надо? — вместо ответа спросил он, словно Куань пришел не к пленнику, а ввалился в господские покои. Подобное отношение отвратило мужчину, но он виду не подал и сказал снова:

— Меня послал к тебе мой господин, чтобы...

Однако Ли Инчунь не дал ему договорить, с едкой ухмылкой, словно шрам перечеркнувшей сухие губы, спросив:

— Кто ж таков твой господин, если разговаривать с людьми предпочитает ночью?

Куань нахмурился еще более.

— Не могу сказать, но зла господин тебе не желает, и лишь хочет узнать, почему ты тут живешь.

— Пришел после захода солнца, спрашиваешь всякие глупости... На трепку нарываешься? — спросил юноша и свел над переносицей тонкие брови. — Совсем скоро на смену выйдут другие охранники, что следят и за стеной: уходи, пока я их не позвал.

Говорил Ли Инчунь складно и держался грозно — однако вид его портил фиолетовый синяк, что от виска темным мхом полз к губам. В иных местах он был темнее, в других уже принялся желтеть, словно били по одному месту в разное время, но не жалея сил. Куань, слушая дерзкие

речи юноши, и рад был бы на него разозлиться, но вид этот и общая убогая обстановка маленького дворика, в самом деле больше напоминавшего тюрьму, стылой водой проникали в глотку, мешая сказать еще хоть слово.

— И все же, — допытывался Фэн Жун, когда Куань наконец вернулся. — Похож он на преступника?

— Отчего вы моим словам не верите? — возмущалась Фэнцзи, но слушала Куаня тоже внимательно. Мужчина между тем опустил взгляд, поджав губы. Как бы он не упрямылся и не противился этому в душе, соврать не смог:

— Совсем не похож, господин. Люди, конечно, разные бывают, но он мне более напомнил высокомерного юнца, который свою фамилию почитает больше прочих заслуг.

«Вроде вас», — подумал Куань, но вслух этого говорить не стал. Фэн Жун мог быть капризным, мог быть порывистым, иногда ввязывался в странные дела, и азарт его охватывал, словно крестьянскую хижину пламя — но назвать его плохим человеком точно было нельзя. Смотря на Ли Инчуня, Куань, который по натуре своей не силен был в словах, ощущал то же самое.

— А я говорила, вам, господин, дело со всех сторон странное! — увещевала Фэнцзи. — Этот Пань Тань не иначе, как сумасшедший! Слышала я такие истории: человек других у себя дома запирает, мучает их по всякому, а затем убивает жестоко и за другого человека берется!..

— Наслушаешься на базаре вечно всякой чепухи! — отчитал служанку Фэн Жун, но сам тоже выглядел встревоженным.

— Кроме того, — не обращая на другие разговоры внимания, добавил Куань. — Пусть он и храбрился и даже приказал мне убираться, руки его тряслись, словно просеивали мякину, а стоило мне на шаг подойти — так он отступал на два. Так себя звери ведут, когда в клетках их долго колотят.

После таких слов ни Фэнцзи, ни Фэн Жуну не хотелось больше смеяться: оба они замолчали и погрузились каждый своими мыслями в глубокую задумчивость. Фэн Жун, слушая слова своего телохранителя, не мог представить незнакомого человека, и вместо того на ум ему приходил образ его дорогой сестры: та в фантазии юноши облачена была в изорванное рубище, сквозь прорехи которого видно оставалось тело, сжимала от холода и страха плечи, а к ногам ее, словно маленький забитый зверек, жалась Чэнхуа, что не была похожа больше на пухлую девчушку хорошей семьи. От этих представлений все внутри Фэн Жуна замирало.

Всю следующую ночь юноша промучился, то лежа без сна, то погружаясь в тяжелую, густую и липкую, словно болотная грязь, дрему. Даже Фэнцзи, что в середине ночи, устав от метаний господина, пробралась к нему в постель, Фэн Жуна не успокоила: обычно объятия и запах пудры напоминали ему сестру, с которой он спал по малолетству каждую ночь, но теперь и они стали будто бы новым напоминанием о складывающейся жуткой ситуации. К утру Фэн Жун словно стылой росы набрался уверенности что-то с происходящим сделать, потому поднялся куда раньше, чем привык обычно, и отправился ко двору, на утреннее собрание у Императора.

Семья Фэн когда-то была семьей военных: долгое время из нее выходили сотники и тысячники, было несколько бравых воинов, и фамилия знакома была служивым людям — эта слава преумножилась с рождением деда Фэн Жуна. Когда его матушка была беременна, то часто ей снились кровавые битвы и побоища, в которых непременно побеждали воины Императора: все считали это дурным знаком и всячески госпожу vyhаживали, заботясь о ней более, чем о хрупкой драконьей жемчужине, однако роды прошли неожиданно хорошо и мальчик появился

на свет крепким и сильным. А уж когда он подрос, стало ясно, к чему были те посланные небожителями сны — Фэн Яо обладал непревзойденным военным талантом. Он, казалось, может за сотню ли заметить топот копыт вражеских коней, слышать ароматы стали и крови, видеть чужие знамена: под его руководством армия Императора названа была несокрушимой, а земли приумножились.

К концу жизни на северных окраинах Фэн Яо сражался с северными варварами и оттуда вместе с победой привез наложницу Су, что стала матерью Первой принцессы. В тот год вся столица украсилась цветами и каждый своим долгом считал воспеть доблесть Великого хоу — а зимой он скончался от скорой болезни.

Казалось, будто праздничный фейерверк, что отдал небу все краски, в один момент потух — так быстро отправился на гору Утайшань победоносный генерал. У него на тот момент было три дочери и два сына: Фэн Жуй стал новым главой семьи, а Фэн Хуань, любимец отца, желавший продолжить его военную карьеру, замкнулся в себе, обратившись к поискам дао. Вдова Фэн Яо, матушка Сяоху, была безутешна. Пусть многие до сих пор восславляли ее покойного мужа и предвкушали, каких высот достигнут его наследники, женщина своим детям строго запретила обращаться к военной службе, сказав, что в таком случае откажется от них. Что ей были красивые слова о доблести и порядке, что рассказы о процветании далеких земель, когда теперь навечно ее постель осталась холодной и никто больше не называл ее любимой супругой?

Фэн Жуй уважал желание матери и, оставив военное дело, ушел в гражданские чиновники. Благодаря славе своего отца он добился неплохой должности в министерстве доходов и ответственно выполнял свою работу — после свадьбы дочери, Фэн Сяолин, он тоже отдал душу предкам, и его должность вместе с почетным званием главы семьи Фэн, перешли к Фэн Жуну. Он, однако, был все еще младшим в доме, выше него был дядя и бабушка. С Фэн Хуанем, который предпочитал запирается в своем дворике и варить пилюли бессмертия, Фэн Жун никогда близко не общался, но вот матушку Сяоху приветствовал каждое утро и вечер, выражая свое почтение. Когда Фэн Сяолин еще жила дома, втроем они часто играли в карты и облавные шашки, но теперь Фэн Жун и матушка Сяоху только справлялись о здоровье друг друга, спрашивали о планах на день и прощались. Несмотря на родственную связь, характерами они не сходились, и без мягкого наставления Фэн Сяолин не видели друг в друге интересного собеседника.

Прибыв с утра в покои бабушки, Фэн Жун поклонился ей и улыбнулся: улыбка, однако, от бессонной ночи вышла слабой, словно отражение луны в воде, потому женщина встревожилась:

— Жун-эр, ты хорошо спал? — спросила она и тут же взглянула на замершую рядом с господином Фэнцзи. — Неужели кровать была плоха, или в комнате стало душно? Выполняет эта девка свою работу?

— Не ругайтесь, бабушка, в комнате было хорошо, — поспешил заступиться Фэн Жун. — Это все государственные заботы: я задумался вчера над документами, что дал мне Его Величество, и лег поздно.

— Так для того слуги и нужны, чтобы в нужный момент тебе напомнить о времени! — всплеснула руками матушка Сяоху. Ей самой прислуживали старые женщины, мамки и кормилицы, которые, как и госпожа, неукоснительно следовали любым правилам, и молодых девушек, вроде Фэнцзи, не любили. Кроме правил, матушка Сяоху волновалась так же и о других вещах: — Она, небось, только постель тебе и греет?

— Бабушка, — просяще протянул Фэн Жун, но матушка Сяоху лишь фыркнула:

— В чем бабушка не права? Или, скажешь, нет? Знаю я вас: вырос и думаешь, что все тебе позволено! Ведешься на красивые глазки, словно осел, а мнишь о себе не пойми что! Вот принесет тебе в подоле, будешь знать! Неужели с отца пример решил брать?

К чести покойного господина Фэн Жуя следует сказать, что у него кроме двух детей от законной жены было всего два ребенка от наложницы: она действительно когда-то была служанкой, но, понеся от господина, смогла войти в дом Фэн его милостью как младшая супруга. Госпожа Сяоху к ней всегда относилась враждебно и не переставала повторять, что наложница Чжоу своей работы не выполнила, а Фэн Жуя соблазнила — все в доме давно привыкли к ее ворчанию. В большей мере оно волновало теперь лишь Фэн Жуна, стремясь уберечь от судьбы отца которому матушка Сяоху выговаривала по несколько раз в день.

— Бабушка во всем права, но не стоит много говорить об этих старых делах. Вы так часто мне о приличиях напоминаете, что я не успеваю забывать, потому и тревожиться вам не о чем. Позаботьтесь лучше о своем здоровье, — с нежной улыбкой сказал Фэн Жун. Матушка Сяоху вновь всплеснула руками и тяжелые нефритовые украшения в ее волосах глухо звякнули:

— Посмотрите на него, набрался при дворе красивых слов! — возмущенно, но с долей довольства воскликнула матушка Сяоху. — Негодник, думаешь, я насквозь тебя не вижу?

Фэн Жун с улыбкой согласился:

— Видите, бабушка.

— Совсем распустился, — покачала женщина в ответ головой. — Вот когда Сяолин жила с нами, ты во всем меня слушался и слова против не смел сказать!

— Сестра вчера прислала слугу, чтобы справиться о вашем здоровье, — сказал Фэн Жун. Черты его красивого лица не дрогнули от вранья, но внутри он почувствовал, как заныли противно кости. — Говорит, что все у нее славно, а Чэнхуа растет словно бамбуковый побег. Уже сама пытается держать головку, и радуется, когда видит мать.

— Ах, мое старое тело совсем без сил: а то сходила бы взглянуть на правнучку, — тут же смягчившись, сказала госпожа Сяоху. Как и многих старых людей, разговоры о детях приводили ее в приподнятое настроение, и о других делах она забывала. Фэн Жун добавил:

— Скоро ей уже будет три месяца, разрешено будет выходить из дома. Думаю, сестра с племянницей приедут к нам повидаться.

— Верно, верно, — закивала матушка Сяоху и тут же, отпив чая, довольно чмокнула губами: — Как же нашей Сяолин все же повезло с мужем: подумать только, сам господин хоу! Пусть его дурную профессию я не одобряю, но видно, что о семье он волнуется: прошлой недели я слышала, что отправляли отряд на юг, в Хубэй, так он решительно отказал, сказав, что не желает молодую жену оставлять. Вот так надо!

— Да, — выдавив кривую улыбку, ответил Фэн Жун. Мысли его, что от разговора с бабушкой было успокоились, вновь обратились тяжелыми, влажными тучами.